

СНОВА МЕРТВЫЙ

АНДРЕЙ КРУЗ

МОСКВА

Книги Андрея Круза
в серии «Эпоха мертвых»

НАЧАЛО
МОСКВА
ПРОРЫВ

АНДРЕЙ КРУЗ
МОСКВА

Роман

Москва, 2011
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

ПРОЛОГ

Наверное, это странно, но огромный мир может умереть всего за несколько дней. Случится что-то такое, чего не ждали и к чему не готовились, и все. И двух недель не прошло с тех пор, как вирус «шестерка» пошел по планете, и что теперь? Если честно, мне трудно сказать, что теперь. Телевидения не стало, радиостанции работают только местные, да и те все больше о том говорят, что поблизости происходит. Как спастись, куда бежать, что делать — сплошь полезные советы. И все. Весь остальной мир словно уже и не существует.

Москва. Столица, мегаполис, родной город, в конце концов. Во что она превратилась? Кто теперь остался в ней, кроме целой армии противостоестественно оживших мертвецов? Наверное, уже никого. А если кто и остался, тот обречен на безнадежное ожидание смерти. Мы были там, и мы видели, как смерть забирает мой город у жизни. И делает это безжалостно, бесцеремонно и, самое главное, — навсегда. Это сразу видно и сразу понятно. Смерть не имеет привычки отдавать что-то обратно. Если только не возвращает это сама, чтобы становиться сильнее, как толпы тех же зомби, что бредут сейчас по серым улицам Москвы.

Сергей Крамцов, бывший аспирант

28 марта, среда, вечер

Ну вот, теперь мы съезжаем из дачного поселка окончательно. Он укрыл нас, спрятал, спас, чего уж правду-то таить. Дал возможность организовать, собраться в какую-то общность, достаточно эффективную и даже боеспособную, зубастую,

можно сказать. Теперь все, «эпоха дачного жительство» закончилась, всего за десяток дней. Новая жизнь диктует новые формы организации выживших, и к одной такой форме мы сейчас и примкнем, спасибо той неожиданной и странной встрече на Международном шоссе с подполковником Пантелеевым.

Войдя в дом, я прошелся, оглядывая комнаты. И когда теперь сюда вернуться? Скорее всего, уже никогда. Сколько шашлыка здесь было съедено, сколько в бане проведено вечеров, сколько раз с Татьяной раскачивали скрипучую старую кровать... Все остается в прошлом, так же как и запертая и брошенная квартира, что на улице Изумрудной. Остается в прошлой жизни, быстро теряющейся во мраке и мути воспоминаний последних жутких дней. А впереди — жизнь смутная, странная и непонятная. И где она будет у меня? И какая? И будет ли вообще? Тьфу-тьфу-тьфу, так и накаркать можно.

Я перешел в дом напротив, самочинно нами занятый, тоже осмотрел комнаты на предмет забытых вещей. И здесь все собрали, кроме моей «тревожной сумки», которая дожидалась меня на столе в кухне. Я подхватил ее и направился на улицу. Вот теперь все, можно трогать.

Еще вчера мне удалось поговорить с «мастеровыми мужиками» и предложить им перебраться с нами в учебный центр «Пламя». И я ни капли не удивился тому, что мое предложение отказа не встретило. Заодно познакомился со вторым из них, Павлом, и с их семьями, то есть двумя женами и тремя детьми. Времени зря они не теряли, и уже все окна в доме были закрыты аккуратно подогнанными щитами, и у обоих были новенькие с виду СКС. Вчера же утром, с моей подачи, они сгоняли до заправки, где и получили по карабину и по сто двадцать патронов с обоймами, чем были весьма довольны и даже организовали дежурство. Сейчас же, пока народ паковал остатки вещей, я сбегал к ним на своих двоих и предложил быть готовыми через час присоединиться к колонне.

На пути обратно пробежал мимо того дома, где нас позавчера угостили водкой. Во дворе никого не было, но до меня донесли визгливые звуки семейной ссоры. Или опять перепили мужички, или жена кого-то из них пытается заставить что-то делать.

Подбежал к своим, которые погрузку уже закончили и заво-
дили машины. «Приблудный» стоматолог с женой и две спа-
сенные нами женщины оторопело смотрели на все это хозяйст-
во, множество машин и хорошо вооруженный и экипирован-
ный народ. Если честно, то понимаю их чувства. И это они по-
ловину имущества не видели, зря, что ли, мы вчера целую кучу
машин отогнали?

Сейчас «мастеровых мужиков» с семьями нам пришлось по-
дождать на центральной аллее поселка. Мы как-то раньше вре-
мени тронулись, а они к быстрой загрузке своих пожитков го-
товы не были, в отличие от нас, хоть и собирались заранее. Но
слишком много времени это тоже не заняло. Курящие, такие,
как Шмель, Паша и Сергеич, едва успели выдымить по сигаре-
те, портя чистый весенний воздух, как из боковой аллеи пока-
зались две «Нивы», белая и бежевая. Им показали, куда при-
страиваться, и наша колонна, которая стала настоящей колон-
ной, двинулась в путь.

Боеготовность растянувшегося и отягощенного излишним
транспортом отряда сейчас равнялась нулю, поэтому мы с Та-
тьяной на «Форанере» вырвались далеко вперед, осматривая
дорогу и взяв на себя обязанности головного дозора. Не дай
бог, именно сейчас нарваться на неприятности, ведь даже от-
биться не сумеем.

Едва выехали из поселка, как я увидел аж троих мертвяков,
медленно бредущих по разбитой дороге. М-да, а вот и они, а мы
и заждавшись. До сих пор возле дач они не появлялись, кроме
того, первого, о котором говорил Петрович и который неизве-
стно куда сгинул, а тут целая компания. Ситуация продолжает
ухудшаться. Я предупредил колонну по радио о том, что сейчас
будет стрельба, и, высунувшись из машины, застрелил всех
троих из автомата, открыв огонь одиночными. С пятидесяти
примерно метров и с коллиматорным прицелом потратил деся-
ток патронов на троих — их раскачивающаяся, переваливаю-
щаяся походка заставляет промахиваться даже в таких услови-
ях, когда стреляешь как на стенде с мишенями.

Еще двоих мертвяков я увидел на асфальтовой дороге и их
тоже застрелил. Дальше до шоссе дошли без приключений, рав-
но как и проскочили по нему до поворота на «Пламя». Разве что
не раз ловил на себе удивленные взгляды едущих из Москвы лю-

дей, не понимающих, кто может сейчас ехать в сторону величайшего в мире рассадника ожившей мертвечины? Ну это они по наивности, своими глазами довелось видеть мародеров в мертвом городе. Там им самое раздолье сейчас, если не бояться жизни лишиться особо мерзким образом. Но некоторые не боятся.

Сигнал и волну радиоопознания на КПП «Пламени» нам дали, и опознались мы как положено, но все равно после проезда в ворота нас остановили. Там теперь было организовано нечто вроде накопителя или шлюза. Подошли два прапора, начали проверять документы и составлять список прибывших. Одно дело, когда мы просто в гости ездим, и совсем другое — на заселение. Заправлявший здесь всем старший лейтенант, тот же самый, которого видели позавчера, записал в амбарную книгу номера документов и даты выдачи, после чего пропустил нас дальше, сказав, куда ехать, хоть мы и так все знали уже.

В гостинице нас встретила еще и немолодая женщина в наброшенном на плечи военном бушлате, в который она зябко куталась. Она выдала нам ключи от комнат, причем подобрала их так, чтобы мы оказались рядом с теми, кто прибыл вчера, затем рассказала, во сколько открывается и закрывается местная столовая. Еще женщина спросила, кто из нас сюда на постоянное жительство, и сказала, чтобы они сразу после размещения отправились представиться зампотылу. Таких у нас набралось одиннадцать человек, если с семьей доктора и спасенными в Солнечногорске женщинами посчитать «мастеровых» с семьями.

Нам с Таней достался тесный двухместный номер, больше похожий на вытянутый пенал, в котором мы сразу сделали радикальную и самую важную перестановку, то есть сдвинули кровати. Двухспальных кроватей в этой сугубо служебной гостинице не было. Скорее это была даже не гостиница, а общежитие, с душевыми и туалетами в конце коридора. Зато в подвале была баня, которую вполне можно было зарезервировать лично для себя на пару часиков. Электричество еще подавалось, имелась и горячая вода. А вот что они думают делать дальше? Ведь электростанции рано или поздно встанут, равно как иссякнет поток газа в котельные или запас угля к ним. Чем будут топить и чем освещать помещения зимой? Пусть до холодов еще больше полугода, но пролетит это время быстро. Вообще они, наверное, и это тоже

продумали. Тут вообще какие-то мужики все больше продуманные, чего один засеб учебных полей стоит.

Людей в гостинице было много, но в основном это были или дети, или девочки подросткового возраста с детьми, или их бабушки. Наверное, все взрослые трудоспособные были при деле, учитывая, что работа кипела по всей территории, достаточно в окно выглянуть, чтобы в этом убедиться.

Мы побросали вещи и оружие у себя в номерах, оставив на себе лишь пистолеты, с которыми я приказал не расставаться никогда, даже в отхожем месте, сбросили анораки и пошли вниз.

В столовке было шумно, многолюдно, чисто, хоть изысками интерьер не блистал — самая классическая столовка. Мы пришли самыми последними из всех. Наши уже успели сдвинуть столы в один и рассестся, там же за столами сидели спасенные Маша и Даша. Еще за нашим столом, к моему удивлению, оказался Пантелеев, с какой-то приятной женщиной лет сорока, которую он представил как жену, а заодно и как врача. Звали ее Людмилой, мы познакомились.

Пошел к раздаче, прихватив поднос. Кормили без изысков, но вкусно, и я взял котлету с жареной картошкой, минералку и чай. Вернувшись за стол, уселся прямо напротив Пантелеева, затем по ходу дела быстро, но с «леденящими душу» подробностями, рассказал подполковнику историю близняшек, оставшихся сиротами и спасенными из рук насильников. Подполковник посмотрел на них внимательно, переспросил, сколько им лет, хмыкнул чуть иронически, как любой другой хмыкнул бы тоже, но безусловное «добро» на их пребывание в «Пламени» дал. Судя по всему, его впечатлениям о том, что нужно лейтенантам, они соответствовали. А заодно перепоручил их жене, попросив приставить к делу. У них в санчасти, перестраиваемой теперь в госпиталь, был недостаток медсестер.

А дальше, пользуясь моментом, я решил позадавать вопросы, которые меня мучили. Здорово так мучили, до свербения в заднице.

— Товарищ полковник¹, а как думаете следующую зиму встречать? — задал я первый вопрос. — Думаете, что еще будет свет и тепло?

¹ В армейской среде обращение «товарищ подполковник» применяется редко, в основном в официальных случаях. Обычно — «полковник».

— Нет, мы же тут не совсем дубы, — усмехнулся тот. — По свету... если в перспективе, то даже постройка маленькой электростанции на базе котельной планируется, есть у нас специалисты по малой энергетике, и вроде даже знают, откуда паротурбинные установки взять... Но это уже совсем на потом. А по жилью... есть два проекта у нас — дополнительно утеплять стены многоэтажек, ставить везде маленькие печи и разводить дымоходы или даже строить деревянные избы. Они куда теплее панельных домов, если правильно строить. И жить, как предки жили, чем плохо? Места у нас много, можно не одну деревню разместить.

— Ничем не плохо, даже здорово, — покачал я головой. — Я люблю деревянные дома, если честно. А умеете избы-то строить?

— Уметь тут нечего, главное, чтобы лес был правильный и в нужном количестве. А пока начнем дрова заготавливать. Точнее, уже начали, сейчас делаем вокруг периметра полосу отчуждения, и все срубленное на дрова идет, если на пиломатериал не годится. Так и будем заготавливать ежедневно.

— А с продовольствием у вас как? — поинтересовался я.

— Вот с продуктами сложнее, — вздохнул Пантелеев. — Есть пока запасы кое-какие, нашли и распахали место, где картошку сажать, свинарник уже начали строить, большой, насчет свиней даже где-то начпрод договорился. Птицеферма опять же. Но все равно, пока свое хозяйство разовьется, надо бы еще запастись теми же консервами. У нас тут больших продскладов никогда не было, сам понимаешь. Учебный центр общевойсковой академии — это не часть и не склад Росрезерва.

Понимаю, конечно, чего тут не понять? Учебный центр и испытательные полигоны. На кой черт ему были нужны склады НЗ с тушенкой? Зато у меня есть прекрасная идея насчет как раз таких складов, и я спросил:

— Товарищ полковник, скажите, а сколько людей и с чем вы можете выставить на операцию вне центра, если не в напруг? Не оголяя тылы, так сказать.

Подполковник задумался. Затем ответил уверенно:

— Роту. Полноценную, с броней, на бэтэрах. А может, и больше, если командир другие работы ужмет на день-другой. А что?

— Здорово! — Я аж руки потер от радостного предвкушения. — А грузовики мобилизовать под перевозку продуктов?

— Это не ко мне, я тут все же по военно-тактической части, это к зампотылу, — ответил Пантелеев. — Но десяток могут выделить сразу. Наверняка.

— Прекрасно! — заявил я, откровенно ликуя. — Рассказываю, где продуктов до неба, но надо выбить оттуда одну банду, не сильную, но наглую.

Естественно, мне пришло в голову Хлебниково. Слишком умные менты с такими же шибко умными кавказцами. Оккупировали, наверняка еще погнали или перебили хозяев и работников складов, раньше там не только Кавказ торговал, захватили все, что там есть, и теперь живут-жируют. Не до хрена ли им будет? Тем более что я уже думал, что не удержать им нынешними силами базу, придет кто посильнее и погонит их в шею. Так пусть лучше вояки их погонят, они не для торговли, а для людей продукты ищут.

Подполковнику идея не просто понравилась, а понравилась очень сильно. Настолько сильно, что он затребовал меня завтра с раннего утра в штаб, на составление плана операции. Я попытался было отнекиваться, сказал, что был там всего раз в жизни и толку от меня немного, но получил приказ в категоричной форме.

А у меня при этом появилось некое ощущение свершившейся мести. Заслуженной причем, безотносительно того, что лично мне они ничего худого вроде и не сделали. Я представил, как к теплому и уютному бандитско-ментовскому гнездышку подойдет рота на броне, преимущественно из офицерского спецназа, и чем это все закончится.

Затем я перешел к заботе о личных интересах, то есть откровенно предложил поменять излишек нашего транспорта на что-то особо полезное для нас, снова заставив Пантелеева задуматься. Все же предлагали мы немало, две «буханки», каждая не старше пары лет, и один УАЗ. И нам прекрасно было видно, что часть в них нуждается, здесь, как и везде, был дефицит именно «командирско-посыльного» транспорта, который можно легко гонять по разным делам, не морщась, как от зубной боли, подсчитывая расход топлива. Заодно я предложил к обмену так и не пристроенный никуда «Паджеро». По поводу же наших «японцев» пока не сказал ничего, у меня относительно них появились другие идеи.

— И что хочешь взамен? — спросил Пантелеев.

— А чего я могу хотеть? — удивился я. — Хочу оружия, боеприпасов и всякого такого. От рации типа «Северка» не отказался бы и еще от горючки в бочках. Сами знаете, какая нам дорога светит.

Пантелеев подумал и от «Паджеро» отказался с ходу. А по поводу остального сказал:

— Сам понимаешь, что такое без зампотыла не решается. А до завтра я с ним поговорить не смогу нормально, ему сейчас не до этого. Хотя приказ командира о помощи вам помню и выводы из этого сделал. Завтра обсудим, в общем. Думаю, что положительно решим, с оружием в требуемых вам объемах у нас нормально. Вас все же немного, не батальон.

На последних его словах у меня в сердце запела-зажурчала свирель, но виду я не подал, лишь похвалил нас самих за выдержку и разумное поведение. Только за счет того, что не рванули сразу прочь от Москвы, а продолжаем крутиться вокруг нее, сумели разжиться оружием и всем необходимым, причем неплохо так разжиться, другим на зависть. Здесь пошарились, там подсустились, и результат налицо. Регулярно наклеиваются какие-то возможности усилиться, главное — их не упускать.

Кстати, взятые с бандитов стволы мы все отдали майору, но патроны тоже себе оставили, почти тысячу «семерки» и пару сотен с картечью для гладкоствола. Так к чему я? А к тому, что мы превращаемся в отлично оснащенный и не хуже вооруженный отряд лишь потому, что стараемся крутиться в гуще событий, а не бежим куда подальше.

Затем я начал напрашиваться на присоединение к нападению на Хлебниково, но получил категорический отказ. Пантелеев сказал, что доступ к продуктам у нас и так будет, поделятся они добычей, раз уж мы им такую цель указали, но операцию проведут его люди, и путающиеся под ногами «партизаны» там без надобности. Ну если продуктами поделятся, то я и не настаиваю.

Подполковник ушел, доужинав и еще раз напомнив, что с утра ожидает меня в штабе, а я пересел к Татьяне, болтавшей с Викой и Машей. Как я заметил, из столовой вообще никто не уходил — это было самое удобное в здании место для общения. Людей к тому времени еще прибавилось, рабочий день наконец

закончился, и столовка превратилась в клуб. Между столами бегали дети, люди болтали, некоторые выпивали даже, хоть и понемножку. Дети нашей рыжей Маши уже обзавелись друзьями и тоже были где-то в зале. Где именно — никто не беспокоился, потеряться они не могли, потому что детей отсюда без взрослых просто не выпускали.

Мимо столика прошли с подносами наши знакомые «мастеровые». Они поблагодарили меня за то, что затащил их сюда. Уже все пристроились к работе, оба по плотницкой части, их жен тоже трудоустроили, одну даже поставили заправлять кухней этой самой столовой. Вторая будет работать пока в детском саду, но они намерены открывать школу. Дети с ходу были отданы в кружок начальной военной подготовки, здесь на этом настаивает командование. Я подумал, что командование очень даже правильно делает, спокойных времен впереди не предвидится, пусть уж умеют защитить и себя, и других.

Я спросил у мужиков, где они живут, и они ответили, что пока в этой самой гостинице, но будут работать на переделке нескольких учебных корпусов в нечто вроде общежития для семейных. Туда их обещали переселить в перспективе, но им больше нравится проект строительства тех самых изб, о которых говорил подполковник. И они надеются перескочить туда, тем более что знают, откуда можно вывезти отличные пилорамы, поэтому есть возможность поторговаться с тыловиками. А наладить производство качественной доски и бруса будет несложно, равно как и строить избы по стандартному проекту, и тогда уже к осени можно будет всех расселить.

Не хватает только торфа, который был бы отличным утеплителем, а стекла надо вынуть аккуратненько из окон тех самых учебных корпусов. Там стекла такие, что их можно порезать на маленькие. В избах больших окон отродясь не было, наши люди о сбережении тепла всегда думали. Потом надо будет лишние панельные корпуса разобрать, а добытый материал пустить на укрепления.

Во как, сразу видно, что мужики теперь при деле, не то что мы — не пришей рукав. Распрощавшись с ними, мы пошли с Таней наверх. Устал я за сегодня, если честно. И не только за сегодня. И морально вымотался, страшно давит на душу это наступающее на города запустение с одними мертвяками на ули-

цах, а уж сегодняшняя банда беспредельщиков окончательно подкосила меня. Как вспомню маленьких голых девчонок-зомби, замученных этими уродами, так хочется поехать, этого Толю с фонаря снять, к жизни вернуть и снова кончить его, причем придумать для этого другой способ.

Сходил в душевую в конце коридора, долго плескался там под горячей водой, смывая с себя усталость и грязь, затем вернулся в номер. Татьяна уже постелила, и я рухнул в кровать, прижав к себе свою девушку, чувствуя запах шампуня на ее волосах.

— Как ты? — спросила она меня.

— Устал, очень устал, — вздохнул я. — Денек бы отдохнуть.

— Отдохни, кто мешает?

— Обещания мешали покуда, — усмехнулся я. — Да я морально устал, на самом деле, от всего этого... что вокруг. Мир в яму проваливается, мы выживаем черт знает каким способом и черт знает где... Пока делом занят, то вроде и ничего, а как появляется время... все думки, думки, мать их за ногу. Лучше и дальше уставать, от этого меньше задумываешься.

— Ты знаешь, а я сегодня весь день на Базе была, думала, — сказала она, закинув руки за голову и глядя в потолок. — Потом здесь осмотрелась, разговоры послушала. И как-то немного легче на душе стало. Все же мы как народ погибать не собираемся. Люди думают о будущем, причем даже о дальнем, что и как будет через год, через десять лет, через пятьдесят. Всех детей здесь будут готовить на военных, будут заниматься разработкой способов борьбы со всеми этими зомби, морфами и так далее. Уже создают поисковые группы для экспедиций по всяким техническим библиотекам, заводам и прочим. Будут собирать все чертежи, технологии, чтобы ничего не пропало. Я даже думала, может, нам стоит сюда вернуться?

— Может, и стоит, — согласился я. — В любом случае надо будет дать о себе знать, добрались мы до «Шешнашки» или нет. Но у Коврова перспективы лучше.

— А что в Коврове? Там промышленность и все такое, а здесь вроде как интересно.

А то я про это не думал. Как же. Но вслух этого не сказал, а лишь притянул ее к себе:

— Ладно, хорош болтать, иди ко мне, счастье мое...

Сергей Крамцов

29 марта, четверг, утро

К завтраку общий план операции по захвату хлебниковской овощебазы был примерно готов, и Пантелеев выпроводил меня из своего кабинета. Зампотыла части присутствовал на совещании, потому как операция шла в пользу его «департамента», но поговорить с ним по волнующим меня обменно-шкурным делам не получилось, не до того было. Хотя он про распоряжение генерала помнил и даже мельком об этом сказал, успокоил типа. Ну и ладно, мы теперь никуда и не торопимся, если честно. Будем выжидать, да и по поводу состава отряда у меня тоже мысли есть, пока вслух не высказанные.

Выбравшись из штаба, я решил прогуляться по расположению, пользуясь своим удобным, хоть и не совсем понятным статусом «гостя», когда вроде гулять можно, а припахать тебя уже вроде и нельзя. А заодно мне подумать надо бы, почесать в затылке, понять, как и куда жить нам дальше и что для этого необходимо. И в таких мыслях добрал до КПП.

Инженерная техника работала круглосуточно. Все ревело, рычало дизелями, воняло сгоревшей соляжкой и маслом. Базу окапывали уже серьезным, почти крепостным рвом, причем сам ров был очень хитрой формы. По идее, любой упавший в него мертвяк должен был пойти по нему и вернуться обратно или попасть под посты, где получить свою пулю. По верху ров тянулись заграждения из натянутой на колья колючки, за бетонным забором возводились караульные вышки, широкие, крытые, где при необходимости легко разместить целое отделение стрелков, которые могли вести огонь вдоль рвов. Забраться в них полагалось только по подъемным лестницам, втягивавшимся внутрь, а там можно было даже жить в полной безопасности. Чувствовалось, что в «Пламени» о своей обороне думают ежеминутно, и думают светлые головы — все было нестандартно, толково. Новые условия, новый противник — и новые решения.

Путь для машин к КПП и воротам теперь был извилист, зажат разбросанными в шахматном порядке бетонными блоками, да и вообще место становилось действительно неприступным. К тому же, как я знал, батарея «саушек»¹ пристреляла поч-

¹ САУ — самоходная артиллерийская установка.

ти все возможные ориентиры на подступах. Более чем достаточно. Имелись и минометы. А вот минировали только отдельные участки за рвами, специально от людей. Тратить мины на бестолково вытаптывающих их зомби никто не хотел, только лишний расход материала.

От КПП направился к учебным полям посмотреть, как там стройка идет. И тут все внушало уважение. Огромное пустое поле было раскопано канавами, укладывались фундаментные блоки, местами на них уже клали обработанные бревна, а пара небольших, но добротных изб была уже готова.

Возле одной возились двое плотников, одетые в уже везде привычный военный камуфляж «флора», но явно гражданские с виду. Они как раз приколачивали перила к невысокому крыльцу.

— Мужики, загляну в дом, не возражаете? — спросил я, окликнув их.

Один даже внимания на меня не обратил, а второй, низенький небритый дядька лет пятидесяти, кивнул, достал сигарету, закурил и лишь после этого сказал:

— Зайди, жалко, что ли?

Доски крыльца забухали под подошвами тяжелых ботинок, беззвучно отворилась на смазанных петлях новенькая дверь. Я вошел в сени, вдохнул запах свежеструганного дерева, олифы, прошел, похрустывая опилками под подошвами, до следующей двери, что вели из сеней в горницу. Огляделся: а хорошо ведь получилось, добротно. В горнице посередине фундамент под печку, которая явно будет делить ее единое пространство на две маленькие комнатки. Окошки крошечные, едва свет пускают, так это и хорошо, теплее будет. А больше и смотреть не на что. Вышел обратно в сени и только сейчас обратил внимание на еще одну дверь. Заглянул за нее... Ага, вот и знак прогресса — унитаз и поддон для душа, выложенный простенькой плиткой. Водопровода нет, но похоже, что наверху бак будет. Больно уж там балки серьезные, под тяжесть рассчитаны.

— Водовозка будет развозить, трубу не тянули, — сказал вдруг из-за спины плотник, тихо вошедший в сени. — А там наверху бак на двести литров, хоть мойся, хоть для кухни. И греть его можно.

— Умно, — поразился я. — А слив куда? В септик?

— А куда же еще? В септик обязательно, — подтвердил мужик. — Септики к каждому дому пристроены.

— А как вообще народ такие домики получает?

— Это через зампотыла, — махнул рукой куда-то мне за спину мужик. — С ним говорить надо, там решают. Они расселяют, кого в избы, а кого в многоэтажки.

— Ага, понял. Спасибо, — поблагодарил я мужика и вышел на улицу.

Интересно, интересно. Вот так планируешь что-то, планируешь, а потом опять задумываешься: хорошо ли? Ковров — это прекрасно, конечно, да только кто мы там? А тут у нас репутация уже, и имуществом мы готовы делиться. Да и вообще, насквозь знакомая Москва под боком, даром что ее мертвецы сожрали. Своя территория вроде как. И дело для всех бы нашлось...

Ладно, потом об этом, сегодня бы мне все же с зампотылом о чем-то договориться да и порешать вопрос пользования учебной базой для моих бойцов. Не зря же здесь даже офицерский спецназ ГРУ тренируется, база-то самая лучшая. Если бы еще Пантелеев какого инструктора им дал, особенно тем, кто у нас самый молодой... ну да это вряд ли, мало у него людей свободных. На совещании сказали, что здесь около двух тысяч человек сейчас, и бойцов из них чуть больше четырех сотен, остальные сплошь гражданские. А задач у этих четырех сотен выше головы, не успеешь сейчас что-то сделать — дальше поздно будет. Ладно, нам бы к учебной базе доступ. И можно — к материальной. Не откажемся.

Нагулявшись по территории, я направился сразу на обед, мне о нем Татьяна по радио сообщила. А то так бы и шлялся дальше, думок-то в голове как блох на собаке, все не передумаешь. И соблазны, соблазны... Плохо ли, например, оставить здесь всех небоеспособных, прихватив с собой только бойцов? Сколько бы проблем снялось тогда? Много. А так, малым отрядом, да если еще оснаститься получится... Это сколько геморроев вместе с головной болью снимается? Да не сосчитать. Впрочем, что пока об этом думать, думкой дурень богатеет.

Вернувшись в гостиничный корпус и зайдя в столовую, я обнаружил там уже одних наших. Алина Александровна сказала, что все прибывшие с нами направились на обязательный медосмотр. Тут решили беречься от всего, даже от эпидемий. Нас на осмотр не приглашали потому, что мы не вливались в общество, а должны были ехать дальше.

За обедом я сидел с Алиной Александровной, которая спрашивала, что делается за пределами территории «Пламени». Поговорить до этого дня толком так и не получалось, то одно мешало, то другое, суетная была жизнь. Сегодня в первый раз вот так все вместе за стол уселись, а то в другие дни кто-то обязательно в наряде был, на чердаке сидел.

Когда я рассказал, что явно наступает перелом в пользу мертвяков, Алина Александровна кивнула и сказала: «Так примерно я и рассчитывала. Еще дня четыре-пять, и живых людей иначе как в укреплениях не останется в этих местах». А я задумался над тем, когда же вообще освободятся дороги на достаточное расстояние от Москвы? Хотелось бы дождаться того момента, когда банды беспредельщиков, такие как та, с которой мы столкнулись, будут вытеснены мертвяками. Через мертвяков-то мы на своих машинах проедем, я уверен, а вот через вооруженные засады? Очень даже сомнительно. А схлынет поток беженцев с дорог, исчезнут и мародеры, как мне кажется. Что им тогда на пустых трассах делать? Найдут себе другое занятие.

Еще одна новость: очень странно стал вести себя дегтяревский кот. Как будто чувствуя что-то подозрительное в воздухе, он все время ходит следом за Алиной Александровной, даже в столовую, где укладывается рядом с ней на длинной лавке. И что еще интересней — так поступают и другие коты, которых на базе было немало, ведь сюда ехали семьи в полном составе, никого не бросали. Хватало здесь и собак, и попугаев, и морских свинок в клетках. Интересно, что кобель Мишка облюбовал себе для сна и отдыха пространство под одним из наших «Садко», где и проводил большую часть времени, вальяжно развалившись на земле. Но нас это обрадовало, потому что мы поначалу ума не могли приложить, куда размещать эту здоровенную собаку.

Другое дело, что вскорости должны были закончиться запасы собачьего корма, и чем тогда прикажете кормить эту псину? Тушенкой драгоценной? По две банки в один присест? Эх, и об этом думай...

После обеда я распустил всех на отдых, оставив возиться с машинами лишь тех, кто в этом понимал. Леха ушел к себе в номер, превращенный в наш персональный склад РАВ, где занялся одному ему ведомыми оружейными делами.

Уже ближе к темноте увидели целую колонну КамАЗов, идущую к складам. Зашедшие за ними на территорию бэтээры выстраивались в линию. Пантелеев сидел на броне и что-то командовал в «короткую» рацию. Сказав своим, что подойду позже, со всех ног рванул к подполковнику.

Вид у него был явно довольный, он был словоохотлив и сразу рассказал, как все прошло, не погнушавшись пройтись со мной вдоль ряда машин. Как я и подозревал, колонна пришла из Хлебникова. Взяли овощебазу мгновенно, почти что без единого выстрела, а если и стреляли, то больше для острастки. Часть ее защитников разбежалась, но большинство «взяли в плен», то есть, грубо говоря, переловили.

По завершении краткого расследования выяснилось, что бывших владельцев товара и работников бесконечных торговых фирмочек специально никто не убивал, если они, конечно, не сопротивлялись, а всех их просто или выгнали, или оставили работать грузчиками за еду и кров над головой. Ну и держали взаперти, не без того, сразу сообразив воскресить традиции рабовладения. Если же возникали с кем из них проблемы, то такого строптивного заталкивали в специальный бокс с мертвяками, которые его и рвали в клочья, чего обычно хватало для полного устрашения остальных. Вояки рабов освободили, а на их должности поставили изловленных ментов с бандитами, которые и грузили сейчас военные грузовики очень старательно.

Продуктов там было очень много, продовольственная проблема в «Пламени» теперь была решена года на три вперед, и это по самым пессимистическим прогнозам. Эти пятнадцать грузовиков, прошедших к складам, лишь первая ласточка из того, что должно поступить сюда. Вozить придется не один день даже, поэтому половина роты с броней осталась в Хлебникове, а вторая конвоирует колонну. Завтра в Хлебниково перебросят подкрепление, доведя численность гарнизона до роты, и будут его там держать до тех пор, пока не вывезут все стоящее.

Еще неплохим приобретением оказались два бэтээра с отлично вооруженными и экипированными подмосковными омовцами и два грузовика с их семьями; омовцы, как оказалось, сами планировали нечто подобное на овощебазе, но сил у них не хватало, поэтому с радостью примкнули к воякам из «Пламени», стоило тем показаться на подступах к объекту.

Сейчас они должны были разместиться на новом месте, после чего отбыть в Хлебниково на охрану базы до завершения вывоза. Они же дали «целеуказание» на огромный медицинский склад поблизости, да и местную нефтебазу, к удивлению Пантелеева, не успели растащить — ее тоже подгрести под себя кавказцы, которые, в отличие от неудачливых коллег с продклада, успели своевременно смыться.

В общем, получалось так, что военные заполучили гораздо больше, чем предполагалось: и солярку, и лекарства, и медицинское обрудование, и два взвода личного состава. И, справедливо решив, что надо ковать железо не отходя от кассы, я снова напомнил Пантелееву про обещание генерала Лаптева «помочь материально», а заодно — и про обмен. Пантелеев слегка озадачился такой моей настырностью, но в матерщину против ожидания не сорвался, а спросил:

— Ну и чего ты хочешь получить?

— Пулемет. Или два, — начал я перечислять. — Гранатомет. Пусть даже несколько «Мух», или седьмой эрпэгэ, неважно, лишь бы что-то было против техники. Патроны к пулемету и выравнитель для лент. И гранат бы нам, с гранатами вообще беда. Да и просто патронов. Но реально не имущества хочу просить, с имуществом у нас и так нормально.

— А чего хочешь? — чуть насторожился он.

— Оставить у вас гражданских, пока мы в Горький-16 скатаемся, — сказал я о главном. — Ну и обещание, что их заботой не оставите, если мы вдруг не вернемся.

— Понял, — кивнул он сразу же.

Непохоже, что я его озадачил или что-то новое сказал. Интересно, почему так? Впрочем, он сразу все объяснил:

— Я тебе сам предложить хотел такое. Ты же все равно-на возвращаться сюда будешь, как иначе сообщить, выполнил задачу или нет? Мы-на даже с командиром это дело обсуждали.

— И что решили? — чуть не подскочил я от любопытства.

— Доставите что полагается и куда полагается — получите у нас жилье, — сказал он. — На весь ваш отряд, хоть избы, хоть квартирки в корпусах. Ну а если... хоть и не стоит об этом, то не пропадут ваши люди, позаботимся и к делу приставим.

— Вот это да! — восхитился и обрадовался я. — А я как раз в избушки ваши заходил, завидовал. А тут... Ладно, дело за ма-

лым осталось, только доехать и вернуться. Тогда... думаю, заберите УАЗ с двумя «буханками», владейте. Вам тогда нужнее. И «садок» один отдать можем.

— Хорошо, пришлю людей, — кивнул он. — Спасибо. «Садок» себе оставь-на, такого добра у нас хватает, а тебе еще пригодиться может. Гражданским вон оставишь-на, на всякий случай. А ты вот скажи, уже из чистого любопытства-на: а что думаешь делать со всеми своими «тойотами-ниссанами»-на? Их-то куда? Нам, сразу скажу, такие вроде как и без надобности, проблем себе не ищем.

Ну тут он заблуждается, насчет проблем, но разубеждать не буду. Пусть так и дальше думает. Любая из этих машин без серьезного ремонта не одну сотню тысяч отбегать может, особенно если ее специально не насиловать. За то эти марки и выбирают во всяких Африках с Южными Америками. Но пусть так и дальше думает.

— А ничего, — ответил я. — Если Степаныч наш здесь останется, ему не трудно будет их время от времени заводить и круг по территории проезжать. А если вернемся, то мало ли как с остальным все сложится? А так машины будут.

— Понятно, — кивнул он. — Разумно-на. Состояние «есть какая-то машина» всегда лучше-на, чем состояние «никакой машины нет». Тогда составляй список желаний-на, удовлетворим его по возможности, раз уж мы от базарного обмена к нормальному-на сотрудничеству перешли. А завтра с утра подъезжайте к складам РАВ, оттуда со мной на связь выходите.

И похлопал себя по «короткой» рации, висящей у него на плече.

— Сразу скажу-на, — добавил он. — По снайперским винтовкам у нас дефицит и запрет на раздачу, мало их-на. Ничего не дадим. Ну и еще пара-тройка ограничений есть. А в остальном-на, если изыски не нужны, выдадим что нужно.

— Да зачем нам изыски? — даже удивился я. — Я бы даже «Винторез» не взял, предлагай мне его кто. Где я к нему патроны буду добывать? Я бы даже АЕК¹³ не взял, если бы давали, хоть и знаю, что он по стрельбе лучше «калаша» в два раза ровно. Мне лучше то, где с надежностью и ремонтом без проблем.

¹ Автомат С. Кокшарова, построенный по схеме «сбалансированной автоматики», т. е. работающий почти без отдачи.

Лучше тротила дайте и разных СВ¹ к нему. Мало ли как все в будущем пойдет?

— А умеешь справляться? — удивился он.

— Инженерная разведка все же, — чуть поклонился я. — Справлюсь. И ротный у нас был фанат этого дела, учил всерьез. А если «калашей» подкинете, будем только счастливы.

— Дадим мы тебе автоматы-на, — усмехнулся Пантелеев. — Но у тебя уже стволов-на... небось по три на каждого, включая кота?

— Товарищ полковник, я же в полную неизвестность еду, в «Шешнашку» эту гадскую, провались она совсем, — ответил я, перехватив его ироничный взгляд. — Ну мало ли что случится? Там же зоны кругом, не уверен, что даже проехать сумеем. А если кто-то присоединится к нам, чем его тогда вооружать? Я сейчас каждому лишнему патрону в загашнике рад, не то что стволу. Да и не так их уж и много, стволов этих, как раз нормально людей вооружили, только-только. Причем все сами до ума доводили, это же обычный АКМ был. Все вот это... — я ткнул пальцем в коллиматорный прицел, в складной приклад и хитрое цевье. — все это сами ставили.

— Ну ладно-на, ладно, уговорил, — уже засмеялся он. — Все, извини-на, сегодня дела зовут. А завтра тебе, кстати, намерен задачу поставить, раз ты тут все равно-на бездельничаешь и даром казенный борщ ешь.

— Чего это я бездельничаю? — притворно возмутился я, демонстрируя измазанные в машинном масле руки. — Профилактика техники, парковый день, все по-честному.

— Ага, без обмана, — хохотнул он, хлопнув меня по плечу. — Бывай, до завтра. Дел у меня полно.

Александр Бурко, председатель Совета директоров компании «Фармкор»

29 марта, четверг, день

Всегда деятельный Бурко, просидев два дня у себя в усадьбе в безделье и ожидании у моря погоды, откровенно умаялся ску-

¹ Средства взрывания. Предназначены для приведения в действие взрывчатых веществ (детонаторы, детонационные и огнепроводные шнуры, подрывные машинки и пр.).

кой и, прибыв в Центр, с ходу привычно взялся за дела. Теперь ему в руки перешло правление, считай, над целым городом. Пять тысяч человек, собранных в одном месте, — не шутка. Как ни планировали, что ни замыслили раньше, а проблем все равно было выше головы. Но с проблемами справлялись. Недаром он подобрал себе таких толковых помощников.

Через несколько дней после заселения в Центр, Пасечник с Салеевым сформировали группу, которая должна была двинуть в сторону Нижегородской области, где ей поручалось организовать перехват Крамцова с Дегтяревыми, если расчет Пасечника оказался верным. Группа была немалая, около ста человек, на двух командирских «Тиграх», четырех «Водниках» и восьми новеньких «Выстрелах» — камазовских бронемашин, которые, по настоянию Салеева, закупили вместо планируемых БТР-80. Их и чинить проще, и расход топлива у них ниже, и вместительность с грузоподъемностью хоть куда. А проигрыш в проходимости незначительный. Впрочем, в Центре и нормальные бэтээры имелись, взятые с военных складов. Пошли с колонной и грузовики — бронированные «Уралы» с боекомплектом, техничка и два наливника. Серьезная, в общем, колонна получилась.

Двадцать человек в отправлявшемся отряде были из «департамента» Пасечника, бывшие фсиновцы и следователи. Еще восемьдесят человек — бойцы Салеева, «силовики». Силы, более чем достаточные для выполнения поставленной перед ними задачи. Документами их снабдили самыми непробиваемыми, чтобы ни у кого вопросов не возникало. Отряд спецназа ФСИН на задании. Сверхважном, сверхсекретном. Все, не моги трогать.

Задачи были поставлены, каждый в отряде знал, что ему следует делать, поэтому никакого напутственного инструктажа не проводилось. Экипажи выстроились перед машинами, а затем погрузились на транспорт, который построился в колонну и пошел за ворота Центра.

Отправив отряд, Бурко в сопровождении Пасечника пошел обратно. Он заметил, что уже втягивается в управление Центром, и это ему интересно, намного интересней, чем управлять фармацевтической компанией. Там производство, финансы, все время оглядка на интересы многих, на законы и правила, а здесь... судьбы людские, жизни людей зависят от его действий. И все атрибуты власти имеются. Даже тюрьма построена в од-

ном из «учебных корпусов» Центра, в подвале. Хорошая тюрьма, мрачная, откуда наружу и звука не просочится. Где можно убеждать не только словом, но и делом. Весь этот корпус, кстати, отошел «департаменту» Пасечника, разведке, контрразведке и силам правопорядка нового, пусть и маленького, государства. Но это пока маленького, а что будет дальше... Тут, как говорили в Одессе, «будем посмотреть».

Соседний с безопасниками корпус занял Салеев со своим «Министерством обороны и Генштабом» в одном лице. К штабу примыкал еще один корпус, нечто вроде очень разросшейся караулки, где на круглосуточном дежурстве пребывала ГБР¹ численностью аж в полсотни человек. Мало ли что!

Семья Бурко уже осваивалась в новом для себя месте. Причем переселение прошло безболезненно, творящееся за периметром базы было достаточным стимулом для того, чтобы его жена была счастлива новым местом жительства. Она общалась с женами Домбровского и Салеева, с которыми и до того близко дружила, детям тоже было с кем играть. «Господская территория» была удобна, безопасна, комфортабельна. Никто не мог войти туда, минуя пост на въезде, где несли службу трое гвардейцев, вооруженных и экипированных до самых зубов, даже заглянуть через забор нельзя было ни с одной точки — все предусмотрел ее супруг.

А вообще, работа на территории Центра кипела. Грозить и подгонять никого не требовалось, люди видели своими глазами, что происходит за пределами их безопасной земли, и старались изо всех сил. Стройматериалов хватало, рабочих рук и техники тоже. Здания быстро и аккуратно перedelывались в жилые дома, на фабрике обустроивалась новая лаборатория, еще лучше того института, что был в Москве, на Автопроездной улице. Именно здесь будет создана та вакцина, которая даст в руки Бурко ключи от всего уцелевшего мира.

У входа в «Министерство госбезопасности» они с Пасечником расстались. Тот вошел в подъезд своего пока еще мало кому здесь известного здания, а Бурко направился домой. Он предпочитал работать там, а при необходимости, если требовалось его присутствие, приходил в нужное место. Прошел через охраняемые ворота, помахал рукой играющим во дворе дочкам и жене. Та улыбнулась, махнула в ответ. Все же и она понемногу осваи-

¹ Группа быстрого реагирования.

вается. И даже начинает втягиваться в дела базы, занявшись организацией детского сада. Именно на это Бурко больше всего надеялся — безделье в четырех стенах может свести с ума.

Он поднялся на третий этаж «господского дома», который полностью занимала его квартира. Она была раз в пять меньше его подмосковного дома, но, если быть честным, по его потребностям большая и не требовалась. Две детских, их с женой спальня, еще одна спальня «на вырост», его кабинет и просторная гостиная. Что еще нужно? Он прошел в кабинет, который был заодно и библиотекой. Книги в основном перевезли, и теперь они на полках закрывали все четыре стены. Большой полукруглый стол, на нем два телефона и компьютер.

Александр сел в удобное высокое кресло. Откинулся, потянулся, закинув руки за голову. Что у него сегодня по плану? Дел теперь выше крыши...

Тут раздался телефонный звонок из отдела Пасечника. И не просто звонок, а можно сказать — приятный сюрприз. В ворота Центра постучался некто Братский, «теневого партнер» Бурко в компании «Фармкор». Не тот партнер, который из тени помогает расти частной компании, пользуясь своим государственным положением, а тот, который приходит и просит продать ему по номиналу (читай — раз в двадцать дешевле реальной стоимости) акции твоего детища. В противном случае обещаю большие неприятности по всем направлениям, от проверок налоговой до отзыва кредитов банками. И главное, что он потом не забывает делать, так это напоминать о том, что он регулярно нуждается в деньгах. И семья его нуждается. А в чем нуждаешься ты, предпочитает не выспрашивать и голову себе твоими проблемами не забивать. Поэтому, когда Бурко доложили, что прибыл Братский с семьей и охраной и требует предоставить убежище, он лишь улыбнулся и приказал провести гостя в кабинет Пасечника, где пообещал с ним встретиться.

Сергей Крамцов

30 марта, пятница, утро

С утра, когда мы заводили «буханку», намереваясь использовать ее как грузовик для перевозки обещанных Пантелеевым

материальных благ, раздался треск мотоциклетного мотора и к нам подкатил расписной квадроцикл «Ямаха Рэптор», за рулем которого, сияя от гордости, сидел молодой сержантик из роты МТО¹, явно из срочников.

— Меня подполковник Пантелеев за вами прислал, — с ходу объявил он, лихо развернувшись почти на месте. — Проведу вас на склад РАВ². Готовы?

— Это откуда такая красота? — спросил Шмель, кивнув на японскую диковину.

— Да вывезли вчера целый склад всякой мототехники откуда-то, вот и распределили по посыльным, — сообщил сержант. — Так что, едете?

— Веди, — кивнул Леха, усаживаясь за руль.

«На промысел» мы отправились вчетвером, Шмель с Лехой, да я с Сергеичем. По нашим прикидкам, «буханки» должно было хватить за глаза с ее грузоподъемностью почти в тонну, кто бы нам вообще столько всего выдал? Но, конечно, побольше хотелось, побольше.

Сержантик лихо катил на своей четырехколеске, треща мотором и ловко закладывая виражи, мы едва за ним поспевали, и вскоре наш УАЗ въехал в ворота в сетчатом заборе, окружающем склады учебного центра. Там же стояла кремового цвета «Нива», утащенная откуда-то с улицы, на которой приехал Пантелеев. За «Нивами» теперь охотились специально, и, если она просто стояла на улице и на нее никто явно не предъявлял права, очень высока вероятность была того, что она окажется на территории «Пламени». Или какой другой территории. «Нива» теперь стояла больше любого «Гранд Чероки» — простенькая, проходимая, несложная в ремонте и с умеренным аппетитом.

— Ты, Серега, видишь-на, до чего дошел? Целого подполковника-на по своим делам, как салабона, гоняешь! — вместо приветствия заявил Пантелеев, выбираясь из тесноватого для него салона маленького внедорожника.

Однако, судя по выражению его лица, он явно был чем-то доволен. Чем именно, он сам сказал через минуту. С ним связывались по радио зампотыл и начпрод, и с их слов выходило, что новообразуемое поселение на территории учебного центра

¹ Рота материально-технического обеспечения.

² РАВ — ракетно-артиллерийское вооружение; склад РАВ — обычно оружейный склад, включающий и стрелковое оружие

«Пламя» не будет испытывать потребности в продуктах как минимум года четыре. И все это достижение зачислили нашему отряду в актив. Именно это Пантелеев нам и сообщил, а я мысленно пересчитал похвалу во всякое имущество. Идея такая мелькнула, что появилась возможность просить больше. И я попрошу, в этом даже не сомневайтесь. В конце концов не обеднеют они, если на пару лишних стволов или ящиков с патронами разорятся, я им целый продсклад подогнал, не считая трех машин. Правда, они тоже пообещали решить в будущем наши жилищные проблемы, но об этом пока не знал никто, кроме присутствующей здесь четверки. Ну так нефтебаза и медсклад им тоже бонусом прошли, так что нечего...

На складе нас приняли невысокий тощий майор и с ним немолодой старший прапорщик. Как выяснилось, им дали распоряжение выделить со склада то, что скажет Пантелеев. Не мы, а именно он. А жаль. Жаль. Будем надеяться, что не обидит.

— Ну что, «лесные братья», с чего начнем-на? — спросил Пантелеев.

— С пулемета, — сказал Леха. — Пулемет хотим.

— Пулемет я вам... пожалуй, что дам, — сломал историческую фразу из «Белого солнца пустыни» подполковник. — Серега, дай ребятам пулемет! И ствол к нему-на.

— Леха, иди с майором, — подтолкнул я друга.

Те пошли в глубь большого складского бокса, напоминающего гараж-переросток, заставленный зелеными ящиками, и вскоре вернулись обратно с совершенно новеньким ПКМ и запасным стволом к нему. А Пантелеев тем временем спросил у меня:

— Сколько человек-на вооружаем? Я боевыми единицами интересуюсь, тыловиков своих ты уже из личного-на свободного имущества оснащай.

— Десять человек у меня вполне боевого применения, — прикинув в уме, ответил я.

— Да ну на хрен! — не поверил Пантелеев и даже отмахнулся. — У тебя там девчонки-на сопливые.

— Эти сопливые уже людей убивали, о мертвяках и не говорю. А тут еще и в повешении с кастрацией поучаствовали, — усмехнулся я. — Надо продолжать?

Пантелеев аж присвистнул, затем поинтересовался повешением. Пришлось рассказать ему историю с бандой из Солнечногорска, кратенько. Он покивал, затем сказал:

— И вправду, можно в штат вводить. Ладно, десять так десять, не обеднеем-на. — После паузы продолжил: — Так, пулемет мы вам дали, это уже минус один. Снайперку не дадим, я-на предупреждал.

— Да есть у нас, — сказал Леха, показав свой «Тигр», с которым не расставался.

— Так это же «Тигр»-на, там и нарезы другие, и регулятора нет, и вообще не то, — отмахнулся подполковник.

— А что, что-то взамен предлагаете? — полюбопытствовал я. — Если предлагаете, то согласен: «Тигр» — дерьмо.

— Нет, — решительно заявил он. — Просто говорю. На предмет мнение-на высказать.

— А если мнение, то оно мимо, — засмеялся я. — У Лехи и ствол от СВД стоит, и регулятор имеется. Так что там от «Тигра» ничего и не осталось, чистая СВД.

— Ну тогда и ладно, — заключил Пантелеев. — Автоматов-на дам шесть всего, их у вас и так куча, лучше патронов отсыплем на недостачу-на. Согласен?

А что мне несогласным быть? Оружия у нас и вправду уже хватало, чего греха таить, это он верно заметил. На каждого по несколько стволов будет, надо уже собственный склад РАВ заводить. В кунге. А вот патроны — это расходники, много их, точно, никогда не будет.

Старший же прапорщик к тому времени отобрал три АК-74М, новеньких, в заводской еще смазке, и три же АК-105, укороченную версию. К каждому приложил комплект поставки, по четыре пластиковых черных магазина, по брезентовому ремню и по принадлежности.

— Откуда это у вас? — удивился я, показав новые «укороты», которые стали заметно длинней прежних «ксюх». — На вооружение же их вроде не принимали?

— Не принимали, — согласно кивнул старший прапорщик. — Но войсковые испытания проходили, а где испытывают? У нас и испытывают. Часть расстреляли начисто, так что нарезы вовсе стерлись, а часть так и осталась, лежат себе на складе. Даже не трогали, их же с запасом завозили. У нас на них сейчас спрос так себе, люди к длинным привыкли. И даже запасных стволов в артмастерской к ним нет, а у вас самой мастерской не водится. Вот и поступила команда вам выдать.

— Возьми, убоже, что нам негоже? — съехидничал я.

— Примерно так, — не смущаясь, подтвердил старший прапор. — Да нормальный автомат, по меткости почти такой же, как длинный. Сам отстреливал.

А нам-то что? Прапор на сто процентов прав, у нас ведь артмастерской нет, где мы их чинить будем? Да и что их чинить, если надежность у этой модели вроде как у молотка? Нам его гарантийного ресурса за глаза хватит, десять тысяч выстрелов — это еще в жестком режиме, если аккуратно, так намного больше. Зато планки под боковые прицелы на всех есть, а у нас всякой оптики хватает. Гармония! А если уж откровенно, то «сто пятый» в одном классе с американской М4 выступает, так что вполне полноценное оружие, разве что надежностью переплывает ее в сотни раз.

— А что с патронами? — спросил Леха, уже закинувший пулемет в машину и сиявший довольной улыбкой.

— Патроны потом выдадим, другой бокс откроем, — ответил майор, после чего заглянул в бумажку. — Получите две тысячи к пулемету, пятьсот «снайперских», пять ящиков к автомату, из них ящик семь шестьдесят два, и два цинка пистолетных. Доволен?

— Так точно, — кивнул я и спросил: — А парабеллумовских нет?

— А тебе зачем? — удивился Пантелеев, кинув взгляд на мой ПБ.

— «Грач» у меня еще имеется, но патронов к нему совсем мало, — объяснил я.

Подполковник посмотрел на прапора. Тот кивнул:

— Дам несколько пачек, штук двести. Нормально? У нас их немного.

— Нормально? — переадресовал вопрос мне Пантелеев.

— Да отлично! — обрадовался я.

Хотя могли бы и побольше. Всего побольше и можно без хлеба. Но, с другой стороны, у нас ведь еще от кантемировских военных осталось «семерки» под две тысячи, а «пятерки» так и вообще тысяч около шести. И тысяча с лишним пистолетных имеется — это очень много. И очень хорошо.

— А что с граником? — снова сбился я на актуальную тему.

— «Мухи» у нас остались, от былых времен, — ответил за Пантелеева майор. — Два десятка вам отвесим. Прямо сейчас.

— А у них срок хранения-то не вышел? — слегка возмущился я. — Им-то лет сто небось?

— Нет, не вышел, — решительно заявил майор. — И проверяли отстрелом несколько штук на днях. Никаких проблем не возникло, я лично отвечаю. И ручных гранат дадим в нормальном количестве.

— А, тогда ладно, — успокоился я. — Если и вправду в нормальном количестве.

По нашим потребностям, «Муха» как бы даже и не самый лучший вариант. Легкие они и в принципе все, кроме танка, способны в расход вывести достаточно быстро. А противника на танках мы, если честно, особо и не ожидаем. Зато можно каждому по одной за спину повесить, даже лучше, чем специально гранатометчика выделять.

В общем, чего грешить, не обидели нас. Три нормальных автомата, три укороченных, пулемет. Патроны все, какие обещали. Гранаты. В ящиках, и «эфки» и РГД. Двадцать раскладных «Мух», которые мы загрузили в машину эдакой импровизированной вязанкой. Две тысячи патронов к пулемету, патроны отдельно, ленты — отдельно. Выравниватель для лент тоже дали, старый-старый, но рабочий. И за то спасибо, они вечно в дефиците, сколько помню всю эту кухню.

А вот за остальное — спасибо отдельное. Ящик мин ОЗМ-72, «лягух» — шесть штук. Еще шесть направленных «монок», пятидесятых, уложенных в ящик в брезентовых сумках. Ящик тротила, а в нем шестьдесят пять двухсотграммовых шашек и тридцать шашек по четыреста грамм. Десяток килограммовых брикетов пластита. Два мотка шнура ДШ-А (водостойкий ДШ-В не дали, жаба задавила). Два мотка огнепроводного ОША. Целая коробка детонаторов, всех типов, огневых, электрических, запалов и капсулей-детонаторов, зажигательных трубок всех размеров, подрывные машинки. Допотопная КПМ-1 и целых шесть, по числу «монок», современных маленких ПМ-4. Многое можно взорвать.

— Ну что, доволен-на? — спросил меня Пантелеев, когда все полученное добро мы кое-как пристроили в УАЗе.

— Доволен. Должно хватить нам до места, — кивнул я. — И за место даже.

— Когда выдвигаться думаешь?

— Пока не знаю, — покачал я головой. — Будем смотреть по обстановке, когда всякая левая активность на дорогах стихнет.

— А чем пока заниматься планируешь? — начиная подводить разговор к своим интересам, спросил Пантелеев.

— Личный состав учить, технику готовить, — ответил я. — Подготовкой, одним словом. А что, есть что-то для нас?

— Есть, — кивнул он. — Во-первых, есть у меня намерение-на разведку в Москву послать. Хочешь пойти?

Признаться, вопрос меня огорошил. Что там можно в Москве разведывать, откуда почти ни одна машина уже не вырывается? Это я у Пантелеева и спросил.

— Теперь как раз и время разведывать-на, — ответил тот. — Люди город покинули, а осталось там всего выше башки. Ценного имущества-на, важных объектов. Вот и разведаем-на, что уцелело и где, пока все цело. А заодно хотим на твой институт глянуть, надо, чтобы ты показал.

Вот оно что... Разумно. Пустой город оставить исключительно мертвякам? Не годится. А ведь прорваться на броне туда труда не составит. И мертвяки помехой не будут, это как в сейфе на колесах. Тем более что мародеры там и так вовсю орудуют, насколько я понимаю. Да и нам самим следует подумать о вылазках, если честно, а с предварительной разведкой, в безопасности бронетранспортерного брюха, можно все куда лучше организовать.

— И когда выход планируете? — уточнил я.

— Послезавтра в шесть утра. Пойдешь?

— Обязательно.

— Договорились, — кивнул Пантелеев. — Завтра в восемь в инженерном классе жду на постановку задачи. Послушаешь-на, может быть, подскажешь что путное. А вообще, еще вот что... — придержал он меня.

— Что?

— Хотим поразведать обстановку вокруг города. Посмотреть, чем народ дышит-на, о чем говорят и так далее. Ты ведь пытаешься свою «Паджеру» куда-то пристроить?

— Ну да... — чуть нахмурился я, не понимая окончательно, куда он клонит.

— А попробуй ее на базаре-на сменять, — сказал Пантелеев. — Слышал о таком?

— За водохранилищем? — уточнил я. — Говорили что-то, но так, в общих чертах все больше.

— Именно, — сказал подполковник. — Неожиданно быстро такая активность началась, хочется глянуть, что там и как.

— А почему мы? — удивился я. — Может, проще кому из разведки?

— Заняты все из разведки, — ответил Пантелеев. — Ребята вы серьезные, но не военные, не поймешь и кто-на на первый взгляд. К вам там с уважением-на должны, тем более вы с товаром. А вы нам потом скажете, что это такое и кто руководит такой коммерческой активностью-на в наше тяжелое время. Да и вообще, надо понимать начинать, что вокруг-на делается, что и хочу вам поручить пока. А то у меня ни людей, ни возможности этим всем заняться. А горючки дам, не вопрос.

— Хм... — чуть озадачился я. — Ну... можно, почему нет? Она нам все равно никуда, так хоть пристроим.

— Во-во, — подтвердил Пантелеев. — А там что-то полезное на нее выменяете. Может быть. Ладно, пора мне. На постановке задачи жду.

Пантелеев сел в «Ниву» и отправился по своим делам, а мы погнали изрядно нагруженный УАЗ к гостинице. Там мобилизовали весь наш не слишком многочисленный личный состав, Шмель пригнал из парка «Садко», один из двух, от которого военные отказались и который мы решили превратить в собственный передвижной склад, после чего взялись за перегрузку и перераспределение нашего новообретенного имущества. Дело шло к выезду, надо было составлять штаты отряда, а заодно и штатное вооружение. Это не говоря о том, что я задумал насчет наших гражданских. Та еще проблема будет, я точно знаю, поэтому и оттягиваю все объяснения.

Сергеич взял на себя пулемет. То, что он умеет с ним обращаться, как положено, он доказал еще вчера, «потренировавшись» с местным ПКМ на стрельбище. Ни Леха, ни я так не умели, так что вопрос с пулеметчиком был решен. Шмель же пообещал соорудить в местной мастерской под него нечто вроде турели, позволяющей устанавливать оружие на УАЗ — тоже нелишне будет. Кстати, Шмель с Лехой в той же мастерской переделали мой помповик в обрез. Сняли с магазина экстендер, сократив его емкость до четырех патронов, ствол спилили

на такую же длину, и в результате я получил вполне компактное ружье, которое можно подвешивать за спиной и носить в качестве второго ствола. И заряжать его даже не картечью, а дробью «два ноля», памятуя о том, что где-то ползают не только мертвые люди, но и мертвые же крысы, твари зловредные.

Кстати, тот же Шмель почему-то очень обрадовался наличию пластита. Эта неожиданная его радость меня заинтересовала, и я спросил, в чем ее причина?

— Так пластик-то, елы-палы, мощней тротила раз в пять, кажись, — заявил Мишка.

— Это кто тебе сказал? — поразился я.

— Ну... все говорили, — немного растерялся он.

— А ты слушай больше, — решил я просветить бестолковую «мазуту». — Что такое пластик? Гексоген с пластификатором. Гексоген мощнее тротила на четверть, а содержание его в пластике — чуть больше трех четвертей от массы вз-вз. Ну и считай сам.

— В смысле... баш на баш получается?

— Ага. Один в один почти что, тот же тротил. Экономишь только на том, что он плотнее прилегает к объекту взрывания, и все. Ну и напихать его во что-то легче. Ну ты, войска, и темнота!

Я не отказал себе в удовольствии слегка навернуть Мишке кулаком в лоб.

— Погоди... А говорили, что гексоген, которым дома в Москве взорвали, слабее тротила, — даже не заметив моего удара, сказал Шмель.

— А кто сказал, что взорвали гексогеном? — возмутился я. — Вот люди, блин, плетут что хотят... Взрывали селитрой, гексоген, может быть, в качестве промежуточного детонатора использовали. У них с селитрой одно общее — и то, и другое порошок. Только ты найди такую кучу гексогена сначала, я его сам в глаза-то не видел никогда. Он в морские мины идет и в бэ-че ракет.

Мишка сощурился:

— Погодь, врут, что ли?

— Нет. Добросовестно заблуждаются, так сказать. Журналист не тот, кто знает и говорит, а тот, кто может говорить о том, чего не знает. Они же сами рассказывали, чеки пленные, как где-то смешивали взрывчатку и насыпали в мешки. Значит,

это аммиачная селитра была, в виде аммонита, динамола или аммонала.

— А как она? — заинтересовался Шмель.

— Вот она по бризантности действительно слабее. А по фугасности сильнее. Ее все больше гражданские используют, в земляных работах и так далее. Если дом разрушить, так то, что надо.

— Ты словами то не понтуйся тут... бризантность... фугасность... — заявил Шмель. — Скажи толком.

— Толком это так: скорость, с какой вз-вз детонирует, — бризантность. Чем быстрее, тем лучше те же осколки разлетаются. — Я изобразил руками что-то разлетающееся. — А фугасность — это сколько газов образуется при взрыве. Если, скажем, землю взрывать, то чем больше газов, тем больше земли выкинет. Вот и все, в двух словах.

— Ишь ты... Как выучите чего... — вздохнул Шмель. — Ладно, пошли имущество делить, народ заждался.

Я почувствовал, как кто-то аккуратно потянул меня за полу анорака. Я обернулся и увидел стоящую у меня за спиной Лику. Выражение лица у нее было серьезным и сосредоточенным.

— Обед скоро будет? — спросила она.

Я немного растерялся, не по моей части вопрос явно, посмотрел на часы и ответил:

— Через час примерно. А ты уже есть хочешь?

Маша стояла неподалеку, в разговор не вмешивалась и слегка улыбалась.

— Нет. Я конфет хочу, а мама говорит, что до обеда нельзя, — ответила Лика и спросила: — А час — это долго?

— Нет, пожалуй. Погуляешь с мамой, и час как раз пройдет. Договорились?

Она с серьезным видом кивнула. Ну что же, я молодец, и конфетный кризис разрулил. Прирожденный политик, Бриан, который голова.

Александр Бурко

30 марта, пятница, день

— Александр Владимирович! Вы зачем так поступаете? Как вы смеете?

Седоватый, упитанный мужчина лет пятидесяти, с красным от злости лицом, в рубашке без галстука и ботинках без шнурков, стоял по ту сторону решетчатой двери, отделявшей его от собеседника. Решетка была совсем новая, покрашенная белой краской, но от этого не ставшая более привлекательной — все же она отделяла тесную бетонную коробку тюремной камеры, в которой стены даже и не красил никто, давая возможность рассмотреть плотно пригнанные фундаментные блоки с цементными швами между ними, от столь же мрачного коридора. Откидная деревянная полка без матраса, металлический унитаз и раковина в углу. С каждым словом мужчина постукивал мясистой ладонью по толстым вертикальным стальным прутьям, отчего те тихо гудели.

В конце коридора стоял стол, за которым, читая книгу, разложенную под настольной лампой, сидел охранник в черной форме, какую теперь носили подчиненные Пасечника. На поясе дубинка, электрошокер, баллончик с экстрактом красного перца. Без оружия, естественно. Стук по двери привлек его внимание, он поднял голову, но, убедившись, что ничего внешнего не происходит, снова уткнулся в книгу.

— А что вас так удивляет, Петр Витальевич? — вежливо спросил Бурко, улыбнувшись арестанту. — Чего вы ожидали, приехав сюда за убежищем?

Бурко стоял напротив решетчатой двери, прислонившись к холодной бетонной стене и сложив руки на груди. Он откровенно забавлялся происходящим, и это явно злило человека в камере, который видел насмешку.

— Я ожидал человеческого обращения, прежде всего! И уважения! — выкрикнул человек за решеткой. — В конце концов я ваш партнер!

— Вот только о партнерстве не надо! — даже засмеялся Бурко, в притворно-защитном жесте подняв ладони перед собой. — Как вы стали моим, с позволения сказать, партнером, это вообще печальная история. Для меня печальная, для вас, скорее всего, радостная. Странно другое... А почему вы решили искать спасения здесь?

Вопрос явно озадачил того, кого называли Петром Витальевичем. Судя по всему, он до сих пор не дал себе труда задуматься об этом, хоть и просидел в камере со вчерашнего дня. Петр

Витальевич принадлежал к тому типу государственных людей, которые считали все в стране своей собственностью. Когда он вдруг «входил в долю» в какую-нибудь компанию, он искренне полагал, что так и надо. Иначе для чего тогда все эти компании нужны и для чего тогда он занимает свое кресло в своем кабинете? И сейчас элементарный вопрос Бурко поставил его в тупик. На красном широком лице отразилась напряженная работа мысли, затем мысль явно зашла в тупик и в результате вылилась в очередную вспышку праведного гнева.

— Да как вы вообще смеете? — крикнул Братский.

Короткое эхо быстро стихло в коридоре, а сам узник даже попытался потрясти толстые стальные прутья решетки.

— Мм... это все, что вы имеете сказать? — даже удивился Бурко. — Вы действительно искренне полагали, что приедете сюда и сможете, как и раньше, требовать чего угодно? И все вокруг снова забегают, засуетятся, чайку принесут? Seriously? Вы и вправду так думали?

Петр Витальевич ничего не ответил, но запыхтел громче. Судя по всему, именно так он и думал. Бурко даже задумался, не хватит ли Петра Витальевича кондрашка от возмущения. Не то чтобы он о нем беспокоился, но у него были определенные планы на узника.

— Где моя жена и мои сотрудники? — спросил Петр Витальевич, чуть сбавив тон.

— Жена... Жена в соседнем, женском отделении. Устроена немного лучше, чем вы. Сотрудники тоже неподалеку, в общей камере, вон за той дверью.

Бурко показал рукой на металлическую и звукоизолированную дверь в конце короткого коридора. Петр Витальевич сидел в отдельном отсеке для особо важных лиц, чьи контакты с остальными арестантами, буде такие появятся, были бы нежелательными. Прямо из этого коридора была дверь в еще одно помещение, на обзаведении которым настоял Пасечник. В нем не было ничего, кроме свисающих с потолка наручников и длинного металлического стола с кандалами для рук и ног. Впрочем, Петру Витальевичу посещение этой комнаты не грозило, потому как никакой ценной информации он не скрывал, да и не имел таковой. Бурко скорее развлекался.

— И все же, Петр Витальевич, вы не ответили на мой вопрос. Почему вы решили искать спасения здесь?

— Потому что полагал вас человеком чести! — вдруг выкрикнул Петр Валерьевич. — Что если вы дали слово вести себя порядочно по отношению к партнеру, то так и будет впредь!

Эта гневная филиппика явно озадачила Бурко. Он даже не сразу нашелся что сказать.

— Ну, Петр Витальевич... встречал я дураков, но таких самодовольных, как вы, — никогда в жизни. — Бурко даже сделал глубокий вдох и помотал головой, как будто отгоняя видение. — Вы вымогательством отторгли долю в компании, палец о палец не ударили, чтобы предприятию хоть чем-нибудь помочь, тянули из меня деньги, причем подставляя меня же под обвинение в финансовых преступлениях, потому что я еще и вынужден был перегонять их туда, куда гонять нельзя, и теперь, когда у вас даже не хватило ума вовремя позаботиться о самом себе, вы приезжаете сюда и требуете почета и уважения? Нет, это даже не лечится...

На лице Петра Витальевича застыло выражение, как будто он и вправду пытается понять собеседника, но не может постичь его логику. Он искренне не мог понять, в чем же проблема.

Дверь в коридор открылась, вошел Пасечник.

— Здравствуйте, Петр Витальевич! Как сидится? — вполне дружелюбно поприветствовал он арестанта.

— Как вы смеете, Пасечник? — снова взъерился пленный и снова стукнул толстой ладонью по прутьям решетки.

— Ой, осторожно, ладошку зашибете! — со слегка глумливой улыбкой предостерег Пасечник.

Петр Витальевич Братский в прошлом был главной и единственной неудачей Пасечника как начальника службы безопасности, отвечающего за сохранность и безопасность активов компании. Когда на горизонте черной тучей появился Петр Витальевич, чиновник олимпийского масштаба, из когорты «непотопляемых», тех, которых переводят с места на место за неумеренную вороватость, но при этом каждое следующее место оказывается выше и «хлебней» предыдущего, Пасечник попытался отбить наезд. Но не сумел. Петр Витальевич проехал по нему, как дорожный каток по пустому молочному пакету. Петр Витальевич мог так ездить по кому угодно в стране, и за-

тем он с той же грацией прокатился по Александру Бурко, к вящему унижению Пасечника.

— Александр Васильевич, с охраной побеседовали? — обратился к нему Бурко.

— Поговорил. Нормальные ребята, этого... — он указал пальцем на Братского, — они терпеть не могут. Двоим есть о ком позаботиться, еще один хочет остаться.

— Что решили?

— А что тут решать? — пожал плечами безопасник. — Пусть уезжают все трое, оставлять никого не будем. К ним у нас претензий нет, но и рисковать не хочется, мало ли как обернется?

Братский замер, приоткрыв рот и тяжело дыша. Он вдруг понял, что сейчас всерьез решается его судьба.

— Что с женой будем делать? — спросил Бурко.

— С супругой... семьи грех разлучать, верно? — снова хищно улыбнулся Пасечник.

Супруга Петра Витальевича, Елена Алексеевна Братская, была знаменита не меньше своего мужа. Крупная вульгарная и алчная тетка, любительница гигантских бриллиантов и вычурных платьев, с прической того типа, что в народе называют «вшивый домик», являлась настоящим вдохновителем вымогательских рейдов Братского, а заодно и главным потребителем добываемых в этих налетах материальных благ. Она же выступала в роли «удачливой бизнес-леди», которая якобы и зарабатывала на образ жизни этого семейства.

— Думаю, что вы правы, — кивнул Бурко. — Штрафная бригада?

— Именно. Штрафников у нас пока нет, и вроде бы даже не предвидится, надо же и начинать когда-то? Вот их и пристроим. Как раз женская и мужская бригады создадутся, численностью в один человек каждая.

Петр Витальевич издал протяжный хрипящий звук. Он понял все, но был возмущен настолько, что сказать хотя бы одно слово не мог. Все сказал за него Бурко, обернувшись к Братскому, перед тем как покинуть его:

— Придется работать, Петр Витальевич. Выгребные ямы убирать и все такое. — Помолчал, затем добавил: — Старайтесь, не то я вас пристрелю. Лично.

Сергей Крамцов

30 марта, пятница, вечер

Сколько еще придется здесь сидеть? Это была главная мысль, которая крутилась у меня в голове, когда я шел в сторону учебного корпуса, стоящего рядом со штабом учебного центра «Пламя». Не то чтобы я рвался покинуть безопасность большой воинской части и рвался как можно быстрее ехать в неизвестность, скорее даже наоборот. Здесь нас охраняют, здесь нам хорошо, насколько может быть хорошо при таких обстоятельствах, но рупь за сто — сейчас мало кому лучше нас. И сыты, и одеты, и вооружены. Пусть простенькая офицерская гостиница далеко не хоромы, система коридорная с санузлами в конце и все такое, но то, что они сейчас одни из самых безопасных, — это наверняка.

Но ехать все же придется, от этого не отвертишься, и именно это портило все настроение. Чем? Да вот милейшей Алиной Александровной с дочками. Их собакой и их котом. Тем, что они надеются встретить в этом самом Горьком-16 своего мужа и отца, который, на самом деле, пустил себе пулю в лоб чуть ли не у меня на глазах и при этом вырвал у меня обещание не говорить его семье об этом. Если бы вопрос был лишь в доставке контейнера с образцом первичного вируса и дисков с информацией! Я бы изначально отобрал самых боеспособных из нас, четверых, не больше, вооружил бы до зубов и оставил остальных здесь, под охраной военных. И наверняка прорвался туда и даже вернулся бы обратно. Но не переться же туда всем табором, с женщинами и детьми?

Все эти размышления вызывали чувство, очень напоминающее бессильную злость. Злость в том числе и на уважаемого мной, ныне покойного Владимира Сергеевича Дегтярева, хоть это и грех, я знаю. Ну зачем он меня так подставил, вынуждая врать его семье, сохраняя на лице выражение полнейшей честности, при этом чувствуя себя последней скотиной? Да, его смерть трагедия для меня, но после тех, не боюсь сказать, уже миллионов смертей, случившихся вокруг нас, трагизм ситуации с Дегтяревым как бы даже и поблек немного. Зато на глазах растет потенциальный трагизм нашего будущего похода в не-

известность, отягощенного гражданскими, которых я поведу в никуда, к ложной, несуществующей цели.

Хотя почему «поведу»? Да хрен там, никого я никуда не потащу, это я уже решил однозначно. Здесь не может быть двух мнений, и, для того чтобы в этом убедить своих спутников, я готов пойти на многое, в том числе и на то, чтобы сказать правду, нарушив все свои обязательства перед покойным. В конце концов, он все это видел по-другому, и кто тогда знал, во что превратится этот мир всего через десяток дней? А в «Пламени» они мало того что в полной безопасности, но еще могут быть и при деле. Ну и дел здесь для всех хватит, тут всю жизнь человеческую с нуля выстраивать надо заново, работы — край непочатый.

В любом случае все эти размышления так и останутся досужими умствованиями, пока я не решусь наконец сказать об этом вслух, причем во всеуслышание. Но вот когда это сделать? Момент надо выбрать правильно, да и вообще решиться на это, а то вдруг придется выкладывать всю правду: что же случилось в институте в ту злосчастную ночь? Хотелось бы избежать, если честно, у меня и остальных головняков хватает, после того как на мою голову или плечи, тут уж кому как, свалился весь наш пестрый «отряд».

В таких думах я поднялся на второй этаж учебного корпуса, в инженерный класс, который теперь постоянно использовался как зал совещаний. Пантелеева еще не было, возле двери стояли и разговаривали два старлея, мне незнакомых. Когда я прошел мимо, они равнодушно скользнули по мне взглядами и вернулись к своей беседе. Я подошел к окну, выходящему на учебные поля. В ста метрах от корпуса, в котором мы сейчас были, несколько бригад военных и гражданских, «всем миром», так сказать, закладывали первые бревна в основания новых срубов. Да, неплохо было бы со временем заполучить себе такую избу... неплохо. Она теперь покруче пентхауса с видом на Кремль будет, да и подороже, наверное, если в абсолютном выражении считать.

Пантелеев пришел через десять минут, к тому времени все собрались. В комнате было пятнадцать человек, все офицеры и прапорщики. И, судя по всему, за исключением четверых, все были из числа «спецов» Пантелеева. Все вооружены, но пока явно не для выхода на войну, а так же, как и я, по уже укоренив-

шейся привычке не расставаться с оружием ни на минуту. Переделанный АКМ у меня уже как продолжение плеча стал, без него вроде как и не оделся, что ли. А уж кобура с пистолетом — та и в санузел со мной ходит, и в изголовье кровати висит.

— Рассаживаемся, — пригласил Пантелеев, и все пристроились за столами.

Подполковник оглядел собравшихся, подошел к висящей на стене карте города и заговорил:

— Завтра проведем разведывательный рейд в Москву. С утра. В составе четырех бортов, два восьмидесятых бэтэера и сто сорок шестая кашээмка как машина связи. И «Урал-покемон» пойдет, на всякий случай. На буксир что-то взять или вывезти что-то или кого-то. По шесть человек на бэтээр, двое в кабине «Урала» и двое в кузове, ну и полный экипаж кашээмки. Старший майор Соловьев.

— Я, — поднялся высокий худой майор в десантной тельняшке под камуфляжем.

— Садитесь, — кивнул Пантелеев. — Задача одна: прорваться как можно дальше и осмотреть как можно больше. На что следует обращать внимание... Первое — где уцелели люди как организованная сила? Сколько их, как себя ведут? Как ведут себя мертвяки? Насколько город занят ими? Пункты, которые надо объехать в обязательном порядке...

Постановка задачи затянулась надолго, но такой разведывательный рейд назрел давно. Необходимо было понять, что теперь происходит в Москве? Что с промышленными объектами? Остались ли живые люди? Шляются ли еще мародеры? Где можно помародерить самим? Как ведут себя мертвяки? Как они поведут себя, когда для них в городе не останется живой добычи? Попытаются найти ее в другом месте? Или впадут в кому, как крысы в лаборатории при подобных обстоятельствах? Это ведь вообще вопрос выживания — знать, не ломанется ли куда за пределы города миллионная толпа живых мертвецов. А как у них сезонные миграции начнутся? Да еще по одному маршруту? Сомнительно, конечно, но чем черт не шутит.

Три бэтэера вполне способны прорваться где угодно, КШМ-146¹ тоже на базе бронетранспортера построена, разве что не вооружена. И «Урал» за собой протащат, но при одном

¹ Командно-штабная машина.

условии — их противниками будут мертвяки, а не хорошо вооруженные люди. Какой-нибудь НСВ «Утес»¹, установленный на крыше или верхнем этаже высотки, способен разобрать нашу броню на запчасти, особенно если ему составят компанию РПГ.

Все всматривались в карту города, по которой скачками перемещалась указка подполковника, отмечая места, куда нам следовало направить стопы свои. Маршрут уже был выработан, но Пантелеев хотел предусмотреть все возможные варианты событий, поэтому на каждый участок маршрута вырабатывался один или два альтернативных пути, каждый из них получал кодовое название на случай, если появится серьезный противник и он будет прослушивать радиодиапазон группы.

Связью отряд обеспечивался с трехкратным покрытием его реальных потребностей. Связь короткая, связь дальняя, рации носимые и стационарные. Кашээмка способна была на ходу установить связь километров на сто—сто двадцать, с поправкой на городской ландшафт, и могла работать как ретранслятор. На самый крайний случай мы могли вызывать эвакуацию. В расположении будет ожидать команды к выходу мотоманевренная группа, на БМП-2 и даже с танком.

Совещание затянулось до одиннадцати часов вечера, когда наконец все присутствующие не сочли, что продумать предстоящий рейд еще лучше они просто неспособны. На этом и разошлись, но на прощание я потребовал обеспечить меня завтра броником и шлемом. Ну его на хрен — втягиваться в городской бой, случись такой, с открытой грудью, как балтийский матрос. Вроде как не отказали, сочли требование законным.

Я пошел в гостиницу, к себе в номер, готовиться к выходу. Проходя мимо столовой, заглянул туда и увидел, что все наши опять там сидят. Это даже не клуб, это теперь как всеобщая гостиная, столовка эта самая. Проходя мимо бара, я попросил стакан яблочного сока и с ним прошел к столу.

— Ну, что завтра? — спросил Леха.

— Завтра идем в город, — объявил я. — Из наших пригласили меня одного, больше мест нет.

Вообще-то в бэтэрах вовсе не четырехместные десантные подразделения, а семиместные, и всего они на десять человек рас-

¹ Крупнокалиберный пулемет Никитина, Соловьева и Волкова.

считаны, а нас будет всего по шесть человек на борт. Но это на случай того, что придется отбиваться и будут потери в технике. Тогда уцелевшие из одного экипажа займут места в другой машине. Возможно, что передвижение на броне окажется не лучшим способом езды по забитым мертвяками улицам. К тому же мы понятия не имеем, сколько морфов скопилось в городе, а иным из них запрыгнуть на броню и башку вместе со шлемом кому-нибудь оторвать как раз плюнуть или даже проще. А броня — это броня, защита, что ни говори, поди проковыряй ее.

— А вам задание, — сказал я. — Шмель, поговори с батей, пообщайтесь с местными тыловиками. Машины надо делать, для начала хотя бы кабины «садков» перекрасить. Пусть даже не в камуфляж, но и белыми их оставлять нельзя.

— Не вопрос, — кивнул Мишка. — У бати вроде как с местным зампотехом уже отношения сложились, понимают друг друга. Потом я по «козлам» хочу один проектик предложить.

— Это какой? — залюбопытствовал я.

— Довести их до ума, каркас сверху поставить, — пояснил Шмель.

— В смысле? — влез с вопросом Леха.

— Ну... — Мишка нахмурился, задумавшись, как лучше объяснить. — Видел всякие «Лэндроверы» для войны в пустыне и прочих местах?

— Ну да, на картинках, — кивнул Леха.

— Вот так и хочу сделать. Веса много не прибавит, в крайнем случае на другом сэкономим, но можно будет пулемет поставить полноценно, опять же тент на все это натягивается... ну и перевернуться не страшно. Одной запаски мало, на дальняк если идти, надо под вторую место.

— И что нужно для этого? — спросил уже я.

Мысль мне понравилась. Одно дело просто «командирский» «уазик», и совсем другое — подготовленная рейдовая машина. Тем более что один пулемет у нас уже есть, и если удастся поставить его с хорошим сектором огня, то будет вообще замечательно. Да и под груз надо бы предусмотреть всякие ящики и крепления. И масксеть еще бы добыть не мешало, а потом продумать, как ее возить. Чего мелочиться? Это все я и изложил, к полному одобрению Мишки.

— Да трубы мы нашли вроде, сварка, краска — все есть, — задумчиво ответил он. — Кенгурятник сварим, защиту на оптику и стекло поставим. Вот если не возражаешь, то я еще и Пашку привлеку под эту работу, — вдруг заявил он. — Парень рукастый оказался, любит с железом копаться, а у нас работы выше башки.

Пашка радостно закивал, выражая полную готовность впрячься в дело вместе со Шмелем.

— Не возражаю. И на водилу его учи, нам как раз одного в колонну не хватает, — согласился я, но потом добавил: — Но начать с подготовки одного «садка», понял? Чует мое сердце, он нам скорей всего понадобится.

— В город скататься хочешь? — спросил Леха.

— А куда же еще? — пожал я плечами. — С вояками обстановку разведую, а потом и самим надо бы выбраться. Не думаю, что беженцы все полезное из города вывезти сумели, скорее даже наоборот. Тем более пока есть возможность где-то и как-то заправляться.

— Это точно, — вздохнул Шмель.

Это уже вопрос вопросов. Не думаю, что кто-то даст местному населению личными машинами владеть. Точнее, не владеть, тут вопросов нет, владей до одурения, а вот заправлять их все более дефицитным топливом вряд ли будут. Тут уже думать надо будет, откуда бензин с соляжкой брать или чем его для «Пламени» отрабатывать. Хотя склад ГСМ они все увеличивают и увеличивают, везут и везут наливники с захваченной нефтебазы. Ладно, об этом после.

— Леха, а ты с трехлинейкой закончи, доведи до ума, — сказал я. — Хорошо?

— Не вопрос, время есть, — кивнул наш оружейник. — Займись. Даже пристреляю.

— Займись, — подтвердил я распоряжение и сразу добавил: — И немедленно Машу на нее обучать начни, хорошо? Прямо с пристрелки. Пусть хоть сколько-то патронов сожжет, даже пулеметных, по столу их только откатай для аккуратности.

— Не вопрос, — кивнул Леха, а следом за ним подтвердила готовность обучаться и Маша.

Так мы плавно перешли на основную тему — боевую учебу.

— Сергеич, — обернулся я к бывшему «вовану», — по тренировке личного состава задачи. Бери всю нашу молодежь, а

также Татьяну, Вику и Машу, и веди на занятия. Стрелять уже научились, а вот с тактикой пока проблемы. Боевым слаживанием надо бы заняться. Пантелеев распорядился, так что приступайте.

— Это правильно, — даже обрадовался Сергеич. — Хотя бы в паре и «гусеницей» двигаться научить, и то хлеб. Раз уж отрядом назвались, надо хоть как-то соответствовать.

Так, вроде бы всех озадачил. «Старшие женщины» и дети и без моих указаний знают, чем им заниматься. Валентина Ивановна уже в местной санчасти к делу пристроилась, Алина Александровна вроде со школой помогает, Катя вообще с детьми все время, все при деле. Чем бы боец ни занимался, лишь бы зае... устал, в общем. Уставший меньше думает, и сейчас это хорошо, а то как задумаешься лишний раз о том, что вокруг творится, и жить неохота становится.

— Сереж, видеокамеру у меня возьми, — сказала Маша. — И тебе понадобится, наверное, да и нам потом покажешь, что в Москве делается. Я ее даже зарядила сегодня, слава богу, что еще электричество подается.

— Да, этим надо пользоваться, — согласился я. — Пока провода не оборваны и какие-то электростанции работают. Думаю, что это ненадолго.

— Ну атомные, наверное, могут долго работать? — спросил Шмель.

— Наверное, — пожал я плечами. — Я об атомной энергетике вообще ничего не знаю. Там ведь тоже топлива должно хватать. На сколько у них запас, на АЭС этих? Кто знает?

— Без понятия, — подвел итог повисшего над столом молчания Леха. — Надеюсь, что надолго. А тут что, есть АЭС неподалеку?

— А надо обязательно неподалеку? — спросил Шмель. — Я думал, все равно, лишь бы провода тянулись.

— Черт его знает. Может, и так, — ответил я.

— У меня двоюродный брат в энергетике работал, — подал голос Сергеич. — Он говорил, что электростанции без надзора и пятнадцати минут не проработают. Автоматика начнет все отрубать при малейших признаках проблем. Значит, кто-то еще дежурит на электростанциях, за что им от всех нас огромное спасибо.